

На правах рукописи

Хазова Юлия Валентиновна

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОГНИТИВНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Специальность 09.00.11 – «Социальная философия»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

28 НОЯ 2013

005539787

Москва – 2013

Работа выполнена в секторе социальной философии Института философии РАН

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор В.Г. Федотова

Официальные оппоненты: Д.ф.н., профессор Н.М. Смирнова
Д.ф.н., профессор К.Х. Делокаров

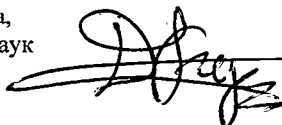
Ведущая организация: Московский гуманитарный университет, кафедра философии, культурологии и политологии

Защита состоится «17» декабря _____ 2013г. в 13.00 часов на заседании Диссертационного Совета № Д 002.015.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук при Институте философии РАН по адресу: 119991, г. Москва, ул. Волхонка, д.14.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН

Автореферат разослан «14» ноября 2013 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат философских наук

Д.А. Кузнецов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Проблема взаимодействия когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук сегодня приобретает исключительную актуальность в связи с появлением новых мировых тенденций – нового теоретического осмысления эволюции научного знания, коммерциализации науки и образования, новых социальных требований к науке.

Изучение причин развития науки часто сводилось к изучению когнитивных факторов. Движущие силы, приводящие к трансформации научного знания, рассматривались как имманентные, внутренние ему присущие. Социальные факторы воспринимались как внешние по отношению к развитию науки. За последние десятилетия ситуация существенно изменилась. Сейчас открыто признаётся обусловленность научного знания потребностями общества. Вместе с тем в изучении вопроса о степени независимости развития научного знания сохраняется пробел.

В настоящее время чрезвычайно острой является проблема коммерциализации науки и образования. Коммерциализация науки и образования приводит к тому, что, во-первых, знание, разрабатываемое внутри университетов и исследовательских центров, становится закрытым и платным. Научное знание перестаёт быть общедоступным. Доступ к нему получает только тот, кто за него заплатил. Вводятся социальные фильтры, способные повлиять на дальнейшее развитие научного знания. Во-вторых, коммерциализация научного знания в стране с преобладанием торговой отрасли экономики неизбежно влечёт за собой значительное сокращение фундаментальных научных исследований, ибо они не могут обеспечить быструю прибыль и вписаться в законы коммерции. В связи с этой новой проблемой решение вопроса о степени влияния социальных, экономических, культурных условий на характер научного знания (как естественного, так и социально-гуманитарного) становится особенно актуальным.

Возникшая сегодня дискуссия о новых требованиях к науке свидетельствует о том, что социальные требования существенно влияют на науку посредством способов её организации и поставленных социальных целей. Однако когнитивные факторы ее развития налагают границы на действие социальных факторов. В сегодняшних условиях России вопрос о типологии соотношения социальных и когнитивных факторов развития науки в целом и социально-гуманитарного знания, в особенности, приобретает исключительную значимость.

В данный момент в российской науке приходится констатировать отсутствие полноценных исследований факторов развития наук об обществе и человеке. Именно поэтому необходимо социально-философское осмысление исторической эволюции социально-гуманитарного научного знания, включающее экспликацию типов взаимодействия когнитивных и социальных факторов его развития. Характеризуя типы связей социальных и когнитивных факторов развития науки в эпоху модерна, на разных этапах современности, автор следует актуальной необходимости дать квалифицированное обсуждение этой проблемы в отношении современной эпохи.

Степень разработанности проблемы. В период возникновения социально-гуманитарных наук на рубеже XVIII–XIX вв. господствовало представление о научном познании, осуществляющемся независимо от социальных факторов. Этому способствовали образцы научности естествознания, существующего с XVII века. Классическая наука рассматривала научное знание как отражение реальности, а социальное влияние на результат познания получило исключительно негативную оценку благодаря теории «идолов» авторитетного учёного и мыслителя Ф. Бэкона. Взаимодействие когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук в период их возникновения в конце XVIII–начале XIX вв. не было исследовано. В рамках классической парадигмы научное знание представлялось развивающимся исключительно благодаря когнитивным

факторам, без воздействия социальных, культурных, политических факторов. Считалось, что внепаучные факторы могут повлиять на развитие научного знания не качественно, но количественно – они могут ускорить или замедлить научный прогресс (О. Конт, Дж.С. Милль и далее в XX столетии О. Нейрат, Р. Карнап и др.).

На уровне философского анализа Г.В.Ф. Гегель много раньше показал, что в основании любого знания лежит предшествующая культура, содержащая в себе историю диалектических отношений между субъектом и объектом познания. Это означало изменение понимания сущности знания: было открыто, что любое знание носит исторический и культурно обусловленный характер, т.е. по своей природе оно естественным образом постоянно испытывает влияние социальных факторов и уже содержит их внутри себя. Так возникла возможность пересмотра концепции научного знания как знания, развивающегося исключительно под воздействием когнитивных факторов, по собственным когнитивным законам в соответствии с логикой научного исследования. После того, как К. Маркс выявил историческую обусловленность любой общественной практики, научное знание стало рассматриваться как социальный феномен, носящий не эксклюзивный, но инклюзивный характер. К. Маркс впервые обнаружил действие социальных факторов в развитии экономической науки. В марксизме научное знание полагалось развивающимся преимущественно под воздействием социальных факторов в силу его включённости в общественно-историческую практику.

«Инонаучные» программы социально-гуманитарных наук Г. Риккерта и В. Виндельбанта появились лишь во второй половине XIX века. В них утверждалось отличие исторических наук, наук о человеке, о культуре от социальных и естественных наук, развивающихся в условиях доминирования когнитивных факторов. Социология, например, рассматривалась ими как более близкая к парадигме естественнонаучного знания.

После того, как в конце XIX столетия обозначилась проблема взаимодействия когнитивных и социальных факторов развития науки, в первой половине XX столетия произошло её углубление, которое привело к различным вариантам её решения. В 1920–1930-е гг. в Советской России в рамках общественных и научных дискуссий В.М. Шулятиков и Б.М. Гессен указывали на существование прямых причинно-следственных связей между когнитивными и социальными факторами, содержанием научного знания и классовой борьбой. Социально-экономический фактор был представлен ими как решающий в развитии естественных, социально-гуманитарных наук и философии, а когнитивный фактор как подчинённый социальному. В то время вульгарно-социологические упрощения были в какой-то мере адекватны революционной эпохе российского общества.

На Западе в 1940–1960-е гг. выделились два течения – экстернализм и интернализм – в рамках которых развернулась широкая дискуссия о взаимодействии когнитивных и социальных факторов развития науки. В экстернализме развитие науки определяли воздействием внешних, социальных факторов, в интернализме – внутренних, когнитивных. Экстернализм представляли Дж. Бернал, Р. Мертон, С. Рестиво, Э. Цильзель и др.. Эти ученые проводили исследования о воздействии социальных факторов на развитие естественных наук. Они сосредоточились на изучении заимствования научной деятельностью принципов общественно-практической деятельности. Ими были выявлены социальные причины повышения значимости экспериментальных разработок (Э. Цильзель), связи развития научных направлений и общественных потребностей (Дж. Бернал и С. Рестиво), проанализировано влияние протестантской этики на формирование исследовательского этоса (Р. Мертон) и т.д. В экстернализме научная деятельность рассматривалась в рамках институционального развития общества. Эти тенденции, необычные для понимания естествознания, для наук об обществе и человеке представлялись самоочевидными. Представители интернализма (А. Койре, Дж. Агасси, Дж.

Рэнделл мл., Р. Холл), в противоположность экстерналистам, обосновывали содержание научного знания наличием когнитивного контекста, формирующего строй мышления определённой эпохи. В интернализме развитие научного мышления было вписано в развитие социального мышления. Интерналисты рассматривали развитие научного мышления как часть развития мышления в целом. Воздействие социальных факторов на когнитивные ими не признавалось. Несмотря на противостояние экстернализма и интернализма, большинство представителей данных направлений признавали наличие собственной логики развития научных идей, формирующейся под влиянием внешних по отношению к науке факторов (экстернализм), либо имманентной, обусловленной когнитивным развитием человеческого мышления (интернализм). Таким образом, научное мышление оказывалось сопряжённым с развитием общества посредством деятельности (экстернализм), либо посредством мышления (интернализм). Такая постановка проблемы не позволяла осуществить общий социально-философский анализ, который состоит в установлении связи развития науки с развитием общества и позволяет характеризовать типы взаимосвязи социальных и когнитивных факторов в соответствии с типами общества.

В 1950–1980-е гг. советские учёные использовали деятельностный подход к исследованию развития науки, который предполагал социальную обусловленность научного знания, обеспеченную его включением в общественно-историческую практику. Среди философов науки данной точки зрения придерживались многие авторы, среди которых И.В. Ватин, Г.Н. Волков, В.В. Денисов, В.Ж. Келле, Т.П. Матяш, К.Р. Мегрелидзе, Л.Н. Москвичёв, Я.К. Ребане, М.М. Розенталь, Г.В. Старк, Ю.В. Тищенко, Л.Е. Хоруц и мн.др. Ими признавалось не прямые воздействия социальных факторов на когнитивные, опосредованные познавательным процессом.

С 1980-х гг. в отечественной философии науки происходит уточнение влияния социальных факторов на когнитивные. Проводятся масштабные исследования взаимосвязи процессов познания и деятельности (В.А.

Лекторский, В.Н. Порус, В.С. Швырёв и др.); научного мышления, вписанного в социально-исторический контекст (П.П. Гайдено, М.К. Мамардашвили, В.С. Стёпин и др.); социальных условий научного познания (И.Т. Касавин, В.Е. Кемеров, Л.М. Косарева, Е.А. Мамчур, Л.А. Маркова, Н.В. Мотрошилова, А.П. Огурцов, В.А. Окладной, В.П. Филатов и др.); значения ценностей в научном познании (В.Б. Власова, Л.А. Микешина, Е.Л. Черткова и др.) и институциональной организации познавательного процесса (М.М. Карпов, Е.З. Мирская, Э.М. Мирский, М.К. Петров, А.В. Потемкин, М.И. Шульман и др.). Однако в данных исследованиях, сосредоточенных преимущественно на социальной природе естественнонаучного познания, не проводится анализ форм взаимодействия когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук. Значительный вклад в осмысление проблемы социально-гуманитарных наук внесён исследованиями В.Г. Федотовой ключевых парадигм социально-гуманитарных наук – натуралистической и культурцентристской, а также проведённым ею анализом Штарнбергской группы о постановке социальных целей и задач научного исследования. Представляют интерес труды З.А. Сокулер о воздействии власти и властных структур на развитие естественнонаучного знания, а также работы Н.М. Смирновой, посвящённые типам научной рациональности, проявляющимся в дисциплинах об обществе и человеке и соответствующим индустриальному и постиндустриальному обществам.

Западные исследователи детализировали основные точки зрения на взаимодействие когнитивных и социальных факторов развития науки. С 1970-х гг. в рамках западной социологии науки широкое распространение получает метод *case studies*, заключающийся в изучении отдельных эпизодов истории науки (Д. Блур, Б. Барнс, М. Малкей, С. Шейпин и др.). Социологи науки в различной степени (в зависимости от школ и направлений) признают влияние социальных факторов на развитие научного знания. Но применение методологии *case studies*, предоставляя интересные научные результаты, не

даёт выводов обобщающего характера, что свидетельствует о нехватке социально-философского анализа целостного развития общества и науки.

Социально-философский анализ соотношения социальных и когнитивных факторов развития общества имеет методологические преимущества в возможности типологизации взаимодействия социальных и когнитивных факторов развития социально-гуманитарных наук в обществах разного типа. Но такая работа еще не проведена и является нашей задачей. Кроме того, в силу господства научных идеалов естествознания как зарубежные, так и советские исследователи в подавляющем большинстве сосредотачивались на исследовании естественных наук. Результаты исследований естественных наук автоматически переносились на социально-гуманитарные науки, что обедняло как исследования науки, так исследования общества и что побудило нас к исследованию соотношения социальных и когнитивных факторов в социально-гуманитарных науках.

В 1970-1990-е гг. рядом зарубежных авторов был произведён анализ социальных факторов социально-гуманитарных наук. Социологи П. Бергер, Э. Гидденс, А. Гоулднер, Ч. Миллс, П. Бурдьё и др. исследовали политические и экономические факторы развития социальных наук. Они отметили присутствие классового мышления в социологических исследованиях. Ценной для понимания взаимодействия когнитивного и социального в научном знании является концепция власти французского социолога М. Фуко, который обратил внимание на принуждение, осуществляемое самим процессом рационализации, развернутым гуманитарными науками. Среди специалистов-психологов, осуществивших анализ социальных факторов развития психологической науки, можно выделить К. Джерджена, Т. Лихи, Г. Ричардса, Г. Стэма, П. Тайсона, Ч. Толмена, Д. Хоуитта. Культурные факторы развития гуманистической социологии и психологии рассматривали немецкие исследователи Х. Абельс и М. Куш. Анализ экономических факторов, опосредованно создающих фундамент научного экономического знания, был осуществлён экономистом

и антропологом К. Поланьи ещё в 1940-е гг. Представители Франкфуртской школы – Т. Адорно, Г. Маркузе и М. Хоркхаймер – рассматривали социальные факторы развития социологии и психологии в XX столетии. Как правило, работы вышеперечисленных авторов представляют собой исследования, сосредоточенные на сопоставлении определённого периода развития социально-гуманитарных наук (часто одной определённой дисциплины) и конкретного этапа развития общества и потому не освещают социальную перспективу и историческую ретроспективу.

Международный коллектив авторов – П. Вагнер, Э. Ио, Т. Портер, Д. Росс, Й. Хейлброн, Э. Ио и др. – опубликовал труд «Кембриджская история наук: современные социальные науки»¹ и осуществил масштабное исследование обусловленности социально-гуманитарных наук социально-историческим контекстом.

Не разработанным в отечественной мысли является социально-философский анализ взаимодействия когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук в контексте социальных изменений, что затрудняет теоретическое реконструирование общей логики эволюции социального знания в современном обществе. История науки, науковедение, философские дисциплины, изучающие познавательный процесс, не решают эту проблему, поскольку она связана с социально-философским осознанием единства познавательной и предметно-практической деятельности. Поэтому в данном диссертационном исследовании в соответствии с задачами социальной философии предпринимается попытка представить развитие социально-гуманитарных наук как включенное в развитие общества, а также выявить типологию связи социальных и когнитивных факторов развития наук об обществе и человеке на разных этапах современности согласно новой концепции типов современности. Автор применяет новую концепцию трех типов современности (модерна), два из которых выявлены С. Лэшем, П.

¹ The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge: Cambridge University Press. 2003.

Вагнером, развиты В.Г. Федотовой и третий предложен ею же в монографии В.Г. Федотовой, В.А. Колпакова, Н.Н. Федотовой «Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества»² – первая либеральная современность XIX в., вторая организованная современность XX в. (1920–начало 1970-х) и третий модерн – новое Новое время для незападных стран, время национальных моделей модернизации, в котором фактор культуры имеет большое значение.

Объект исследования. Объектом исследования является социально-гуманитарное научное знание.

Предмет исследования. Предмет исследования – взаимодействие когнитивных и социальных факторов в развитии и функционировании социально-гуманитарных наук.

Цель исследования. Цель диссертационной работы – социально-философский анализ связи когнитивных и социальных факторов в развитии и функционировании социально-гуманитарного научного знания.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- обозначить специфику социально-философского исследования факторов развития наук об обществе и человеке;
- проследить условия взаимодействия социальных и когнитивных факторов развития социально-гуманитарных наук в XIX столетии в эпоху первой либеральной современности;
- выявить социальные и когнитивные факторы развития наук об обществе и человеке на рубеже XIX–XX вв. в условиях кризиса первой либеральной современности;
- установить степень влияния институционализации на развитие социально-гуманитарного научного знания с начала XX в.;

² Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М.: Культурная революция, 2008. – 608с.

- раскрыть социальные факторы, способствующие интенсивному развитию натуралистических исследований в XX веке (1920–начало 1970-х гг.) в эпоху второй организованной современности;

- проанализировать связь между социокультурными процессами и развитием социально-гуманитарных наук в конце XX в., во время кризиса второго модерна, и начале XXI вв. – вхождения в эпоху национальных моделей модернизации незападных стран;

- определить виды взаимоотношения между когнитивными и социальными факторами социально-гуманитарных наук;

- сформулировать типологию взаимоотношения когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук в соответствии с выделяемыми типами общества модерна.

Теоретико-методологической основой диссертации являются отечественные и зарубежные исследования социальных философов, а также представителей конкретных социально-гуманитарных наук (социологов, психологов, экономистов), философов и методологов науки. При изучении когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук были использованы индуктивный и гипотетико-дедуктивный методы исследования и методы компаративистского анализа, которые позволяют находить в истории конкретных социально-гуманитарных дисциплин одновременные методологические трансформации и соотносить их с социально-исторической ситуацией. Для исследования социокультурного и культурно-исторического контекста развития наук об обществе и человеке применялись логико-диалектический анализ, а также общефилософские принципы историзма и конкретности. Диссертация основывается на результатах научных исследований в области социальной философии, истории науки, онтологии и методологии науки, социологии знания, исторической науки.

Научная повизна исследования состоит в раскрытии связи когнитивных и социальных факторов развития и функционирования

социально-гуманитарных наук в контексте развития общества. Научная повизна исследования заключается в следующих результатах:

- выявлена специфика социально-философского подхода к исследованию наук об обществе и человеке;
- прослежены условия взаимодействия когнитивных и социальных факторов в развитии социально-гуманитарных наук в XIX столетии в эпоху первой либеральной современности;
- установлены социальные факторы появления и развития антинатуралистической исследовательской программы в науках об обществе и человеке в середине XIX–начале XX вв. в условиях кризиса первой либеральной современности;
- обнаружена степень влияния институционализации на развитие социально-гуманитарного научного знания с начала XX в. в условиях кризиса обществ первого модерна;
- раскрыты социальные факторы, способствующие интенсивному развитию натуралистических исследований в 1920–начале 1970-х гг. в западном обществе эпохи второй организованной современности;
- проанализирована связь между социокультурными процессами и развитием антинатуралистической программы социально-гуманитарных наук во второй половине XX – кризисе второй организованной современности и начале XXI в. – становления национальных моделей модернизации незападных стран, учитывающих фактор культуры, нового Нового времени для незападных стран;
- введено различие между прямыми и косвенными связями между социальными и когнитивными факторами развития социально-гуманитарных наук;
- сформулирована типология когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук в соответствии с выделяемыми типами общества модерна.

Положения, выносимые на защиту:

- *Социально-философский подход* к исследованию взаимодействия когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук заключается в *обнаружении устойчивой связи между тенденциями развития общества и методологическими тенденциями исследования социальной реальности и человека* в социально-гуманитарных науках. Эта проблема не решается ни историей науки, ни науковедением, ни философскими дисциплинами, изучающими познавательный процесс, и связана с социально-философским осознанием единства познавательной и предметно-практической деятельности, когнитивных и социальных факторов развития.

- В XIX веке натурализация социально-гуманитарных наук происходила под воздействием социальных потребностей западного общества *эпохи первой либеральной современности*. Натурализация наук об обществе и человеке осуществлялась в условиях рационализации и капитализации западного общества, а также острой потребности в стабилизации социально-политической ситуации. Осуществление данных процессов обеспечивалось осваиванием социально-гуманитарными науками естественнонаучного идеала, который являлся единственным образцом научности в то время.

- Антинатуралистическая исследовательская программа в науках об обществе и человеке сформировалась в конце XIX–начале XX вв. *в период между двумя современностями*. К концу XIX века был накоплен собственный опыт социально-гуманитарных наук, поставивший вопрос об их специфике, о формах инаучности в гуманитарном знании. Это была реакция на господство натурализма и она усилилась в обстановке социального и духовного кризиса, свидетельствующего о проблемах либерального проекта современности. Преобладанию когнитивных факторов в развитии социально-гуманитарного знания была противопоставлена

основополагающая роль социально-культурных факторов в самом процессе познания общества и человека.

- Институционализация наук об обществе и человеке, происходящая с начала XX в., оказала влияние на содержание социально-гуманитарного научного знания: существует естественная согласованность принципов функционирования бюрократического аппарата и построения позитивистского исследования.

- Интенсивная математизация и схематизация наук об обществе и человеке, наблюдавшаяся в 1920–начале 1970-х гг. в эпоху второй организованной современности, явилась следствием масштабного социального (государственного и экономического) планирования. *Социально-политические и экономические структуры стали заказчиками* социально-гуманитарных научных исследований позитивистской направленности. Науки об обществе и человеке обеспечивали научными данными о способах контроля над социокультурной реальностью и одновременно формировали «организованное», технократическое сознание.

- Новый всплеск антинатуралистической исследовательской программы социально-гуманитарных наук, произошедший в 1960-е гг., явился интеллектуальной реакцией на господство плановых позитивистских установок. Он опередил анархические социальные движения 1960-х гг., направленные против власти техноструктур, которые озименовали начало кризиса второй организованной современности. В 2000-е гг. в эпоху нового Нового времени для незападных стран и национальных моделей модернизации возникновение новых социальных моделей развития, альтернативных западной, привело к активному росту в незападных странах социально-гуманитарных научных исследований антинатуралистической направленности. В то же время западные страны, отказавшиеся от догоняющей модели модернизации, опирались на антинатуралистические исследования, развивающиеся с 1970-х гг., потому что последние были

способны учитывать фактор культуры, необходимый для нового этапа модернизации.

- Между когнитивными и социальными факторами развития социально-гуманитарных наук существуют *косвенные и прямые связи*. Косвенная связь означает взаимодействие социальных и когнитивных факторов, опосредованное процессом познания. Прямая связь рассматривается как детерминация когнитивных факторов социальными факторами посредством социального заказа на научное знание определённого типа, содержащее заданные заказом когнитивные структуры.

- Взаимодействие когнитивных и социальных факторов на протяжении всего развития социально-гуманитарных наук осуществляется постоянно, но является различным и зависит от типа общества, в котором формировалось научное знание. Обозначим типологию взаимоотношения когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук в соответствии с выделяемыми типами общества.

В эпоху первой либеральной современности и в период её кризиса на стыке XIX–XX преобладают косвенные связи между социальными и когнитивными факторами развития социально-гуманитарных наук. В этот период общество не является заказчиком определённых когнитивных структур, оно их не детерминирует. Когнитивные структуры научного социально-гуманитарного знания самостоятельно определяются самими учёными. Однако производство и дальнейшее функционирование содержания научного знания является социально обусловленным. Новые исследовательские программы вырабатываются в условиях изменения социокультурной ситуации; научное знание получает социальную интерпретацию, его развитие оказывается зависимым от неё.

В эпоху второй организованной современности 1920–начала 1970-х гг. существует преобладание прямых связей между когнитивными и социальными факторами развития социально-гуманитарных наук. Политические и экономические системы детерминируют содержание

социально-гуманитарных наук – они становятся заказчиками научного знания, имеющего определённые когнитивные структуры.

В эпоху кризиса второй организованной современности начала 1970–конца 1990-х гг. и XXI в. в эпоху начавшегося третьего модерна – национальных моделей модернизации незападных стран имеет место усложнение типов взаимодействия факторов развития социально-гуманитарных наук. Существует комбинация прямых и косвенных связей между когнитивными и социальными факторами. Часть научного знания продолжает формироваться как социальный заказ политических и экономических систем и содержит заданные когнитивные структуры (прямая связь когнитивных и социальных факторов). В то же время между социальными и когнитивными факторами развития наук об обществе и человеке имеется косвенная связь, опосредованная познавательным процессом. Научные когнитивные структуры не задаются извне, содержание научного знания оказывается самодостаточным, но его развитие стимулируется сложившейся социокультурной ситуацией.

Научно-практическая значимость диссертационной работы определяется научной ценностью и новизной перечисленных результатов.

Научно-практическая значимость результатов исследования связана с возможностью дальнейшего систематического осмысления развития социально-гуманитарных наук. Это позволяет влиять на практическую организацию науки. Диссертация имеет методологическое значение при осмыслении актуальных проблем современности, одной из которых выступают формы социального влияния на развитие социально-гуманитарных наук.

Работа может помочь в разработке обществом стратегии развития социально-гуманитарного научного знания.

На основе проведенного исследования могут быть прочитаны спецкурсы по истории и методологии науки и социологии знания.

анализируются разновидности факторов эволюции научного знания. Когнитивные факторы развития науки – это движущие силы научного познания, заложенные в самом научном познании и ограниченные предметом и логикой научного исследования. Действие когнитивных факторов демонстрирует внутренний, имманентный характер познавательного процесса. К когнитивным факторам автор относит онтологию науки, научную методологию и когнитивные универсалии. Онтология науки составляет объект научного познания, который конструируется с помощью познавательных средств (конструктивизм) и/или реально существует в действительности (реализм). Методология является совокупностью способов научного исследования. Когнитивные универсалии представляют собой познавательные клише, которыми мыслит учёный как любой человек, получивший воспитание и образование в обществе.

Социальные факторы развития науки – это движущие силы научного познания, формирующиеся в обществе и культуре и определяющие характер научного познания либо отдельные его черты. Среди социальных факторов были выделены социокультурные, макросоциальные и микросоциальные факторы. Социокультурные факторы – это специфические для региона социальные, политические и культурные процессы, обуславливающие проблематику социально-гуманитарных исследований и их интенсивность. Микросоциальные факторы образуются в процессе производства знания в конкретном научном сообществе и изучаются социологией науки по преимуществу методом анализа отдельных эпизодов истории науки (case studies). Под макросоциальными факторами развития социально-гуманитарных наук понимаются универсальные социальные явления и процессы, стимулирующие производство научного знания посредством системы социального заказа и обуславливающие воспроизводство научной деятельности.

Разделение когнитивных и социальных факторов развития науки, а также реконструирование их взаимодействия носит искусственный характер,

когда заведомо пренебрегается их мгновенным перетеканием друг в друга (которое невозможно зафиксировать) либо их тождеством (которое невозможно продемонстрировать).

Во втором параграфе «Специфика социально-философского подхода к исследованию наук об обществе и человеке» анализируется специфика социально-философского исследования факторов развития социально-гуманитарных наук.

Как показывает диссертант, социальная философия исследует развитие социально-гуманитарных наук в контексте изменения общества, при котором меняется взаимодействие когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарного научного знания. Поскольку социальная философия занимается изучением социального во всеобщей форме, то из анализа выпадают микросоциальные, конкретные факторы, не поддающиеся обобщению. Делается вывод, что социально-философскому анализу могут быть подвергнуты общезначимые макросоциальные факторы, действующие в любом обществе, в котором развиваются социально-гуманитарные науки, а также часть социокультурных факторов, которые определяют направление научных исследований. Динамика изменений когнитивных факторов, предполагаемая понятием «развития», лучше всего прослеживается в научной методологии. Предпосылкой диссертационного исследования служит исторический характер методов и методологий. Смена методов исследования является неотъемлемой частью истории науки и выступит одной из её сущностных черт.

Автор исходит из наличия методологических тенденций, определяемых специалистами в различных социально-гуманитарных дисциплинах, и опирается на следующее умозаключение. Поскольку в абсолютно каждом объекте исследования социально-гуманитарных наук можно выделить как закономерность, т.е. вписанность в объективную действительность, так и уникальность, наделяемую определёнными, только ему присущими смыслами, то, следовательно, каждая методологическая исследовательская

программа – натуралистическая и антинатуралистическая – имеет равноценный гносеологический статус. Из равноценного гносеологического статуса следует, что обе методологии исследования должны быть представлены одновременно и распределены равномерно, т.е. должен наблюдаться постоянный когнитивный методологический баланс. Если же реальность может быть изучена способами, эквивалентными по своему познавательному статусу, то доминирование одного из них при отсутствии постоянного когнитивного баланса автоматически переносит решение данной проблемы из внутринаучного во внеученый пласт. В таком случае доминирование одной из методологических исследовательских программ будет автоматически свидетельствовать о существовании прямого и/или косвенного социального заказа на научное знание определённого вида, адекватно отвечающего на потребности общества в организации социально-практической деятельности.

Во второй главе «Развитие социально-гуманитарных наук в XIX–начале XX вв.: эпоха первой либеральной современности» рассматривается становление наук об обществе и человеке в XIX – начале XX столетий в эпоху первой либеральной современности. Анализируются социокультурные условия, способствующие возникновению наук об обществе и человеке, используемая ими методология, а также социальные, экономические, политические и культурные события и процессы, наблюдаемые в указанный период.

В первом параграфе «Интеллектуальные и социальные предпосылки формирования наук об обществе и человеке» выявляются когнитивные установки, способствовавшие возникновению социально-гуманитарного научного знания, и социальных контекст их формирования. Преобладание естественнонаучного идеала рассматривается автором как одна из главных предпосылок социально-гуманитарных наук, сформировавшаяся в общественном сознании к XVIII в. Естественнонаучный идеал сложился под воздействием определённых социокогнитивных

процессов, которые происходили в Западной Европе в эпоху Возрождения, Реформации и Просвещения. Данные процессы анализируются в единстве когнитивного и социального, означая, что образование естественнонаучного идеала было результатом сдвигов в человеческом мышлении, происходящих в определённую социальную эпоху.

Во второй половине XVI в. и в XVII в. в естественнонаучное знание были привнесены принципиально новые изменения, трансформирующие его сущность. Иначе стала восприниматься природа. В эпоху Возрождения был преодолен барьер между небесными и земными явлениями, существовавший на протяжении двух тысячелетий в силу древнегреческой традиции понимания принципиальной разницы между земным и небесным (П.П. Гайденок). Снятие данного барьера означало возможность перенесения математических принципов изучения неба – «небесной механики» – на «земную» физику. Распространившиеся в эпоху Возрождения герметизм и связанный с ним гностицизм возвысили земное – человека – посредством экспликации его божественной сущности, что ослабило устойчивое христианское чувство человеческой греховности как недостойности небесного и также способствовало растворению грани между небесным и земным при сохранении предпосылки о существовании Бога.

Высокий авторитет науки был обоснован Ф. Бэконом. Научное знание было представлено им как преобразующая сила, способствующая прогрессу человеческого общества и потому имеющая чрезвычайную значимость и ценность.

В эпоху Реформации была акцентирована важность экспериментальных исследований вследствие формирования предпосылки о первичности эмпирического перед рациональным. Данная предпосылка возникла как результат протестантского представления о том, что Бог вначале творит вещи, а потом познаёт их своим умом. Протестантский этос, распространившийся в Западной Европе, оказал косвенное влияние на отношение учёного к своему труду. Оно коснулось цели научного

разнообразных и гетерогенных природных явлений, служили образцом рационализации действительности. В XIX столетии их способность рационализировать оказалась более существенной, нежели их масштабные технические достижения, которых не было вплоть до последней четверти XIX в. Натурализация социально-гуманитарных наук означала рационализацию социальной реальности и человека на проверенном основании.

После разрушительной Великой Французской революции 1789–1799 гг. сформировалась общественная потребность в урегулировании революционных настроений. В обществе был выработан защитный механизм: появилась специальная наука – социология – ориентированная на стабильность социокультурной реальности. Биологическая метафора общества, активно используемая социологами XIX и начала XX вв. (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм), подразумевала социальный порядок, структурированность и историческую преемственность. Она обеспечивала обоснование целостности и единой направленности частей, не предполагающих революционных изменений. С помощью социологических теоретических построений происходило укоренение мысли о поступательном прогрессе общества, аналогичном живой природе, где изменения носят адаптивный, приспособительный характер. Поэтому, как считает автор, естественнонаучная рациональность, спроецированная на социологическую науку, совпала с идеалом стабильности социального и индивидуального бытия.

В конце XVIII–начале XIX вв. западное общество преобразовалось в капиталистическое. В связи с появлением либерального капитализма экономические отношения поглотили социальное бытие, делая его своим придатком. Политической экономии принадлежит особая роль: она не только объяснила причины экономических процессов, но и обосновала саму экономическую реальность, легитимируя её путём рационализации. Научной моделью политической экономии явилась классическая механика.

Ньютоновские принципы абсолютизации пространства и времени, свободного перемещения атомов в пустоте находились в соответствии с принципами функционирования свободного капитализма. Предпосылка о том, что законы рынка действуют одинаково в любых условиях, психологически располагала к дальнейшему распространению либеральной рыночной экономики.

Несмотря на либерализацию и демократизацию западного общества, в нём сохранилось соблюдение классовых интересов, что также отразилось на риторике политической экономии. А. Смит в самом начале развития рыночной экономики говорил о том, что законы экономического мира подчиняются человеческим законам и главную роль в экономической жизни играют человеческие факторы. Впоследствии экономикой была представлена миру «упрямых фактов и неумолимых жестоких законов». Произошла биологизация экономической (и шире – человеческой) жизни посредством введения в политическую экономию биологических аргументов. Удовлетворение чувства голода посредством наёмного труда позиционировалась как естественная непреодолимая потребность, возведённая У. Таунсендом и последующими экономистами – Т. Мальтусом, Д. Рикардо, Э. Берком, И. Бентамом – в ранг природной необходимости. Законы коммерции получили статус законов природы. В XIX в. политические экономисты посредством апелляции к законам природы, движущим экономической жизнью, обосновали существующее в обществе социальное неравенство и отказ правительства от социального обеспечения незащищённых слоёв населения.

Возникновение современного общества (modern) связано с порыванием традиционных связей, индивидуализацией человека, появлением автономного ответственного индивида. На протяжении XIX в. образуются новые способы изучения человека, апеллирующие к математическим и статистическим методам. Математические числа обладают универсальностью и независимостью от контекста, поэтому их применение

стало возможным для исследования автономных самостоятельных индивидов. В XIX в. происходит усовершенствование статистических методов, используемых государственным аппаратом для социального инспектирования населения. «Социальная физика» А. Кетле, опирающаяся на механистическую закономерность (строго однозначный характер связей и зависимостей), статистическую закономерность (вероятностное распределение случайных признаков) и концепцию «среднего человека», по мнению автора, эксплицирует ключевые признаки вовлечённости автономного индивида в социально-политическую систему. Поиск математических пропорций в восприятии человека (психофизика) является следствием представления о разложимости человеческой реальности на математически строгие составляющие.

В третьем параграфе «Социальный кризис рубежа XIX–XX вв. и развитие антинатуралистических исследований» анализируются социальные обстоятельства, сопутствовавшие появлению новой исследовательской программы в науках об обществе и человеке. На рубеже XIX–XX вв. наступил спад в экономике. В преддверии Первой мировой войны обострились политические отношения. В обществе наблюдался тяжёлый социальный кризис, явившийся следствием индустриализации и урбанизации. Перенаселенность городов привела к безработице, что вызвало крайнюю бедность населения. Бунты, беспорядки и забастовки случались в рабочих окраинах самых экономически успешных городов. Социальный кризис стал расцениваться как плата за модернизацию. Разочарованность в либеральном проекте привела к росту пессимистичных настроений во всём обществе. Духовному упадку и регрессу сопутствовали неприятие жизни, безнадежность, уныние. Пессимизм, неспособность общества разрешить накопившиеся в результате собственного развития проблемы наводили на мысли о порочности развития современного общества и отразились на взглядах социально-гуманитарных учёных. Представителями социально-гуманитарных наук была построена новая исследовательская программа (В.

Дильтей, Г. Зиммель, Г. Риккерт, В. Виндельбанд, Ф. Brentano и др.), противопоставляющая себя господствовавшему натурализму, не оправдавшему социальные ожидания. Недоверие объективизму и материализму привело к исследованию того, что не лежит на поверхности, скрыто внутри объектов человеческой реальности, что можно почувствовать, удостовериться лично, на субъективном уровне. Происходит отрицание натуралистической методологии либо значительное ограничение её применения для исследования социокультурной реальности. Акцентируется специфика человеческого мира в отличие от мира природы. Исследование сосредоточивается на ментальных процессах и на внутреннем мире человека, в котором разворачивается собственно социальная и психологическая реальность. Утверждается контекстуальность развития человеческих феноменов, их невозможность (или непринципиальность) подведения под всеобщую закономерность. В исследованиях провозглашается невозможность предсказания дальнейшего развития социокультурной реальности. Наличие подобных предсказаний оценивается как стремление к контролю над обществом и человеком, в основании которого лежит отрицание свободы воли индивидов.

В диссертации рассматривается традиция объяснения возникновения интерпретативизма особенностями немецкой культуры, восприимчивой к идеалистическим и около идеалистическим веяниям (большинство интерпретативистов – немцы). Ценность и самобытность внутренней жизни подразумевает возвышение человека и указывает на существование гуманистических идеалов, корнями уходящих в эпоху Возрождения. Постулирование жизни души, скрытой от постороннего глаза, отсылает к христианскому мировоззрению.

Диссертант отмечает, что в конце XIX – начале XX вв. наряду с антинатурализмом формировался его более мягкий вариант, не соперничающий с натурализмом, а, напротив, развивающийся в лоне естественных наук, но отстаивающий исключительность феноменов

социокультурной реальности (М. Вебер, В. Вундт, У. Джеймс и др.). Это направление также свидетельствует о раздвоении исследовательского проекта социально-гуманитарных наук.

Главной причиной появления антинатуралистической исследовательской программы автор полагает реакцию на господство натурализма в концептуализации социокультурной реальности, которую предоставляли социально-гуманитарные науки в XIX в. На протяжении XIX столетия в период культа социального и экономического прогресса природные аналогии и метафоры, используемые социально-гуманитарными науками, воспринимались естественно, потому что они соответствовали видимому прогрессу промышленного производства, росту количества фабрик, заводов, городов, городского населения. Все вместе они являли собой пример органического развития общества. Но к концу XIX столетия в связи с экономическим и социальным кризисом стало очевидно, что натурализм, подразумевающий последовательный прогресс и механизацию человека и общества, конструирует неадекватный образ социокультурной реальности, не сводимой к природной иерархии, адаптации к окружающей среде и рационалистически спроектированному развитию. Натуралистическая интерпретация человека и общества перестала работать в условиях социального и духовного кризиса. Она пренебрегла как несущественными теми проявлениями человека и общества, которые являются сверхприродными, не свойственными миру природы, не имеющими в ней аналогов, выпадающими из природной необходимости и, соответственно, не поддающимися расчёту и предсказанию. Натуралистические теории, которые сопровождали процесс модернизации на протяжении XIX в., проигнорировали собственно человеческий мир, и это в эпоху социального кризиса вызвало отторжение, неприятие в первую очередь на психологическом уровне. Произошло отрезвление от амбициозного проекта эпохи Просвещения, в котором общество безошибочно руководствуется наукой. Развёрнутая антинатурализмом борьба

ознаменовала собой разочарование общества, обманутого большими ожиданиями.

В третьей главе «Развитие социально-гуманитарных наук в XX–XXI вв.: вторая организованная современность и начало третьего модерна» проводятся параллели между методологическими тенденциями в науках об обществе и человеке и политическими, экономическими и культурными мировыми процессами в эпоху второй организованной современности и начала третьего модерна.

В первом параграфе «Роль институционализации в науках об обществе и человеке» рассматривается механизм влияния институционализации на развитие социально-гуманитарного научного знания. Институционализация наук об обществе и человеке, осуществляемая с начала XX века по образцу естественных наук, стала закономерным развитием науки и одновременно ответом на социальные вызовы рубежа XIX–XX вв. Данный ответ заключался в усилении ориентирования на социально-гуманитарные науки как на двигатель социального прогресса. Выявлено, что институционализация, будучи масштабной формой упорядочивания научной деятельности, не является необходимой и достаточной для получения качественного научного знания. Она представляет собой систему регулярного производства научного знания.

Институционализация науки способствует канализации научного знания, его развитию в определённом направлении. Поскольку институционализированная наука получает государственное или частное финансирование, она вынуждена обосновывать свою деятельность посредством социально приемлемых аргументов и отвечать на поступающие социальные запросы. После создания институциональной зависимости выработка социальных заказов на научное знание приобретает системный характер. Посредством социальных заказов научное знание направляется на обеспечение функционирования «базового треугольника» – рынка, академии и социально-политических институтов. Необходимость обоснования

полезности производимого знания, выполнение государственных заказов прикладного характера, написание ежемесячных отчётов, стандартизация образования способствуют сужению функции науки до осуществления определённых социальных целей. Сугубый научный прагматизм приводит к выхолащиванию метафизических смыслов из объектов социально-гуманитарного научного исследования.

Причина широкого распространения позитивизма в XX в. усматривается в удобстве использования позитивистских схем при бюрократическом регулировании учебного и научного процессов. Апелляция к формальным количественным показателям, не противоречивому, твёрдо установленному и решающему все затруднения знанию легче обеспечивается позитивистским знанием, нежели знанием интерпретативным. Поэтому позитивизм получает институциональное преимущество перед интерпретивизмом.

Как полагает автор, в отношении научной институционализации нельзя утверждать прямую детерминацию научного знания об обществе и человеке бюрократическими структурами. Можно констатировать лишь косвенное влияние институционализации на содержание социально-гуманитарного научного знания. Косвенное влияние вызвано естественной согласованностью принципов функционирования бюрократического аппарата и построения натуралистического исследования.

Во втором параграфе «Экономические и политические условия развития натуралистической исследовательской программы социально-гуманитарных наук в период организованной современности 1920-1960-е гг.» рассматриваются основные социально-гуманитарные научные направления 1920-1960-х гг., а также социально-политический и экономический контекст, внутри которого их развитие стало возможным.

В эпоху второй организованной современности произошло разрастание техники и технических систем, которое привело к формализации и конкретизации целей экономической деятельности. Либеральный

капитализм, достаточно гибкий, быстро приспособляющийся к новым условиям, превратился в организованный капитализм с массовым конвейерным производством и высокой затратностью техники. Рост эффективности промышленного производства оказался зависимым от направленности социальных действий, от возможности их организации и предсказания. Технократические установки, действующие внутри экономических субъектов, распространились на всё западное общество. В то же время успешный опыт государственного планирования экономикой в Первую мировую войну, последующий мировой экономический кризис 1929–1930-х гг., а также необходимость ограничения монополистов привели к активному государственному вмешательству в экономическую и социальную сферу. Впоследствии после успешного решения экономических и социальных вопросов осуществление государственного планирования продолжается и становится самодостаточным. Таким образом, плановые установки представителей государственных и экономических структур совпали. Они касались организации не только экономической, но и тесно связанной с ней социальной жизни.

Для изменения социальной реальности, организации и упорядочивания действий людей потребовалось достоверное знание о том, как это сделать. Автором анализируется беспрецедентная связь социологического, экономического и психологического научного знания и организации современного общества. Социальные науки были прямо вовлечены в плановое движение. Плановая наука была направлена на изучение механизмов опосредованного регулирования поведения. В науке резко возросла нацеленность на ближайший результат. «Предсказание и контроль» стали целью и лозунгом поведенческих социальных наук и полностью отвечали запросам масштабного планового движения. Появилось предельно инструменталистское и утилитарное отношение к продукту научной деятельности: исследователи в области экономики и социологии сосредоточились на решении частных задач, связанных с определёнными

ситуациями. Рост конкретных социологических исследований непосредственно стимулировался заказчиками подобного рода частного знания – владельцами и управляющими крупных предприятий и государственными чиновниками. Как показывает автор, инженерная наука во многом утратила способность постановки цели исследования и сосредоточилась на средствах решения заданной проблемы. Цели в научное исследование привносились извне, заказчиками научного знания. Наблюдалось активное финансирование определённых – инженерных – проектов частными фондами и инвесторами (фонд Рокфеллера). При этом большая часть инженерной науки развивалась и поддерживалась в США, что является свидетельством национальных амбиций этого государства. Научное знание, производящееся в это время, можно обозначить как организованную науку, когда содержательные и методологические структуры, не смотря на провозглашение свободы научного поиска, сознательно направлялись внешними внеаучными структурами.

Помимо этого, как показывает автор, мощные направления социально-гуманитарных наук натуралистической исследовательской программы (бихевиоризм, структурный функционализм, когнитивная психология) предоставили глобальные схемы интерпретации общества и человека. Они сформировали сознание определённого типа, способное мыслить о человеческом мире в специфических научных терминах «стимула – реакции», «актора – цели – функции – структуры» и т.д. Организованные социально-гуманитарные науки были направлены на изменение понимания социальной реальности и человека, на демонстрацию существующих в ней причинно-следственных связей, объясняющих функционирование общества и поведение человека. Тем самым они формировали коридор интерпретации социальной реальности и «организовали» сознание.

В третьем параграфе «Социокультурные процессы и когнитивное развитие наук об обществе и человеке во второй половине XX–начале XXI вв.» выявляется соотношение ключевых тенденций в развитии общества

и социально-гуманитарных наук. В конце 1960-х–начале 1970-х гг. в западном обществе наблюдаются процессы, свидетельствующие о начале кризиса второй организованной современности. В это время фиксируется неуправляемый экономический спад с одновременным ростом инфляции и безработицы. Экономический кризис указывал на существование более широкого явления – неудачах социального планирования, проводимого государством и экономическими структурами. Осознание кризиса организованной современности сопровождалось социальной реакцией против иерархии и патернализма. В 1968г. активизировались социально-политические движения и резко возросли протестные настроения, охватившие как западные капиталистические, так и незападные социалистические страны. Анархический протест против власти был направлен на слом техноструктуры и, как показывает автор, нашёл отражение в социально-гуманитарных науках.

Автором проводится параллель между массовым социальным и когнитивным бунтом, происходящим в 1960-е гг. В самом начале 1960-х гг. антинатуралистическая исследовательская программа в науках об обществе и человеке испытала необычайное развитие. Практически все антинатуралистические исследования получили ярко выраженную антипозитивистскую окрашенность. Они выступили против господства позитивизма и позитивистской монополии на истину. Среди главных причин отказа от натуралистической исследовательской программы в социально-гуманитарных науках назывались потеря позитивизмом эпистемологической и социальной актуальности, неадекватность и недостаточность позитивистского исследования социокультурной реальности.

При сопоставлении двух событий в разных областях социального бытия автор приходит к выводу, что интеллектуальная реакция социально-гуманитарных учёных предшествовала открытому социальному протесту и во многом способствовала его наступлению, подрывая авторитет незыблемого и абсолютного знания во всех областях бытия. Поэтому здесь

констатируется воздействие результатов внутринаучного развития социально-гуманитарных наук на социальные процессы при уяснении того факта, что признаки надвигающегося кризиса второй организованной современности могли осознаваться как учёными, так и обществом уже в конце 1950-х гг.

Время кризиса второй организованной современности датируется 1960–концом 1990-х гг. Оно характеризуется разочарованием в модерне, ожиданиями постмодернизма с конца 1960-х до начала 1990-х гг. и с 1990-х гг. – поисками неолиберального модернизма. За это время в социально-гуманитарных науках в зависимости от конкретной науки (в большей мере – в социологии, в меньшей – в экономике) утверждается антинатуралистическая исследовательская программа как эквивалентная натуралистической.

В 2000-е гг. наступает новое Новое время для незападных стран, означающее начало их модернизации с активным привлечением национально-культурных составляющих. Одним из признаков грядущего наступления нового Нового времени стал неожиданный экономический успех Японии и стран Юго-Восточной Азии 1970-х гг. В западной социологии возникают новые модели модернизационного развития, изменяется само понимание модернизации как универсального процесса вестернизации. Незападные страны осознали важность собственного пути развития, отличного от предлагаемых западных моделей и основанного на соединении социально-экономических инноваций и культурно-исторического опыта. Социально-экономические трансформации 1970-х гг. вызвали в 1980-е, 1990-е и 2000-е гг. в западных и незападных странах рост социально-гуманитарных научных исследований антинатуралистической и антизападной направленности. Уже в эти годы развиваются тенденции отторжения западной рациональности и импортируемых наукой западных моделей человека и общества. Западная наука стала восприниматься как форма социального контроля. В незападных странах посредством научного

знания начала легитимироваться опора на собственную рациональность, объединяющая научную рациональность и традиционное знание, вписанное в конкретный культурный ореол.

На этапе нового Нового времени для незападных стран обозначаются сложные взаимосвязи когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук. Появление научных исследований антинатуралистической и антизападной направленности как в западных, так и в незападных странах было вызвано борьбой против социально жёстких модернизационных технологий, интеллектуальным проводником которых был позитивизм. Часть учёных находилась в поиске альтернатив научному знанию западного образца. Социальной платформой такой альтернативы стал Восток, заявивший о себе неожиданным экономическим успехом Японии и «азиатских тигров» 1970-х гг. Социальные и социокогнитивные факторы определили дальнейшее когнитивное развитие наук об обществе и человеке. Однако новые формы рациональности во многом обосновали перспективу альтернативного образа жизни для западного и незападного человека и тем самым предуготовили наступление нового Нового времени для незападных стран. Таким образом, когнитивные факторы развития наук об обществе и человеке повлияли на социальные процессы, что в свою очередь обернулось социальными факторами развития социально-гуманитарных наук.

Современные науки об обществе и человеке оцениваются автором как дискурсы, сочетающие в себе две исследовательские парадигмы (мультипарадигмальность знания). Объекты исследования социально-гуманитарных наук могут быть изучены посредством использования как позитивистской, так и интерпретативистской методологий. Тем не менее, ключевой парадигмой современных социологии, экономики и психологии по-прежнему остаётся позитивизм, а методы, которыми пользуются перечисленные науки, предстают преимущественно количественными. Позитивистское направление в социально-гуманитарных науках обладает приоритетностью. Несмотря на произошедшую в 1960-1970-х гг.

либерализацию научного знания и признание равенства двух исследовательских программ, существуют неравномерное распределение социальных заказов, иницилирующих научные исследования.

В заключении подводятся итоги проведённого исследования и формулируются основные выводы.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях.

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях по перечню ВАК:

1. Хазова Ю.В. Экспликации онтологии социально-гуманитарных наук//Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2011, № 2(14). С. 149–155. 0,5 п.л.

2. Хазова Ю.В. Капитализм: меняющийся или уходящий? (заседание за круглым столом)//Мир перемен, 2011. №2. С. 133–134. 0,05 п.л.

Публикации в других изданиях:

3. Хазова Ю.В. Изменение социально-гуманитарных наук и понимание онтологии//Меняющаяся социальность: контуры будущего/Отв. ред. В.Г. Федотова. – М.: ИФРАН, 2012. С. 29–48. 1,3 п.л.

4. Хазова Ю.В. Модернизация и социально-гуманитарные науки//Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт/Отв. ред. В.Г. Федотова. – М.: ИФРАН, 2013. С. 94–108. 0,9 п.л.

5. Хазова Ю.В. Социально-гуманитарные науки: проблема моделирования источников их развития//Искусственный интеллект: философия, методология, инновации. Материалы III Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, г. Москва, МИРЭА, 11-13 ноября 2009г./Под ред. Д.И. Дубровского и Е.А. Никитиной. – М.: «Связь-принт», 2009. С. 439–442. 0,2 п.л.

Подписано в печать: 13.11.2013

Заказ № 9091 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru

Осетер, сибирский страус - 18423